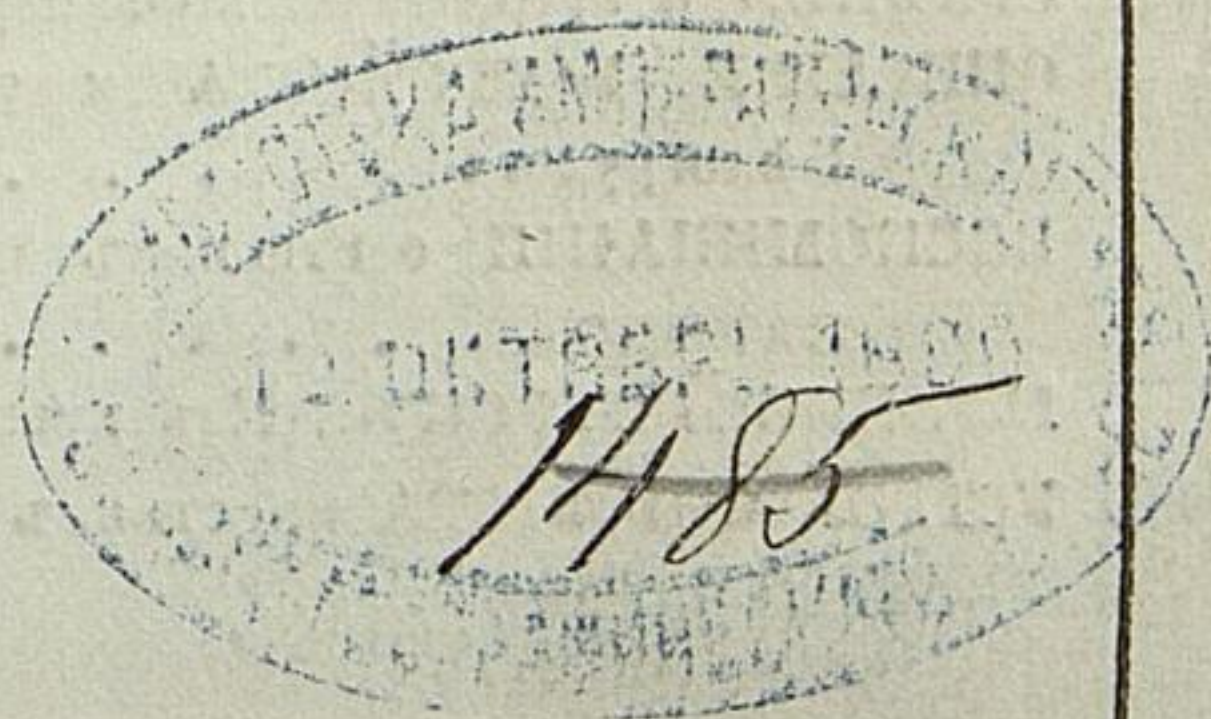

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ГОДЪ СЕДЬМОЙ

№ 4

АПРѢЛЬ

1864

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВОСПОМИНАНІЯ

О СТЕПНОМЪ ПОХОДѢ

ВЪ ХАНСТВА ХИВУ И БУХАРУ.

Въ концѣ 1857 года получили мы извѣстіе объ экстренной командировкѣ въ степь изъ уральскаго войска двухъ небольшихъ командъ. Одна изъ нихъ, 43 казака, при трехъ офицерахъ и трехъ урядникахъ, назначалась, въ числѣ командъ отъ другихъ частей войскъ Оренбургскаго края, конвоировать командира отдѣльнаго оренбургскаго корпуса, во время предположенной имъ, весною слѣдующаго года, поѣздки въ степь, для осмотра тамошнихъ укрѣпленій. Другая команда, въ числѣ 17 казаковъ, при 2 урядникахъ и 2 офицерахъ (между которыми былъ назначенъ и я), должна была поступить въ составъ конвоя, для сопровожденія нашей миссіи въ ханства Хиву и Бухару.

Въ приготовленіяхъ къ походу прошла зима. 9-го апрѣля 1858 года, обѣ команды выступили въ походъ и, послѣ двадцати-однодневнаго марша, прибыли въ Оренбургъ. Здѣсь мы получили положительныя извѣстія о составѣ миссіи и ея конвоя.

Никогда еще такое большое посольство не отправлялось въ среднюю Азію. Кромѣ начальника миссіи, флигель-адъютанта полковника Н. П. Игнатьева (нынѣ генераль-адъютанта), при немъ были 16 спеціалистовъ по разнымъ предметамъ, медикъ и іеромонахъ.

Почетный конвой посольства состоялъ изъ уральской команды, изъ 17 человекъ оренбургскихъ казаковъ, при 2 офицерахъ и 2 урядникахъ, и изъ 30 стрѣлковъ оренбургскихъ линейныхъ баталіоновъ, тоже при 2 офицерахъ и 2 унтеръ-офицерахъ. Пѣхота была посажена на лошадей, и люди на смотру оказались очень хорошими кавалеристами, особенно если принять во вниманіе короткое время ихъ обученія для предстоявшаго похода. Кавалерійскія построенія они исполняли съ должною отчетливостію, не говоря о красивой, крѣпкой посадкѣ и умѣньѣ управлять лошадыю, которыя сдѣлали бы честь и опытнымъ всадникамъ.

Всѣ команды должны были находиться подъ начальствомъ штабъ-офицера уральскаго войска, назначеннаго начальникомъ всего конвоя миссіи, къ которому потомъ, по распоряженію генералъ-адъютанта Катенина, былъ прикомандированъ еще добавочный конвой, состоявшій изъ 18 оренбургскихъ казаковъ, при одномъ офицерѣ и одномъ урядникѣ, и уральской команды, назначавшейся сопровождать корпуснаго командира, за выкомандированіемъ изъ нея въ конвой сего послѣдняго 10 казаковъ-пѣсенниковъ. Добавочный конвой имѣлъ сопровождать посольство до хивинскаго города *Куня-Уренча*, откуда онъ долженъ былъ возвратиться въ *Уральское* укрѣпленіе и здѣсь присоединиться къ конвою генерала Катенина.

Снабженіе отряда провіантскимъ довольствіемъ, фуражемъ, а равно хозяйственными принадлежностями и другими припасами, было полнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ для другихъ отрядовъ, посылаемыхъ въ степь.

Кромѣ 13 частныхъ фургоновъ, принадлежавшихъ офицерамъ посольства и конвоя, при отрядѣ было 7 повозокъ казенныхъ, изъ которыхъ 2 были опредѣлены подъ имущество нижнихъ чиновъ, а другія 5 составляли казенный обозъ: походную кузницу, фуру для больныхъ, повозку съ медикаментами, съ канцеляріею и съ денежнымъ ящикомъ. Но всѣ эти фуры и телѣги мы бросили незадолго до вступленія въ предѣлы Хивинскаго ханства. Несравненно удачнѣе поступили тѣ, которые, вмѣсто повозокъ, купили въ Оренбургѣ верблюдовъ. Слѣдуетъ однако замѣтить, что, вмѣсто кошемныхъ переметныхъ сумокъ, какія были у насъ, гораздо полезнѣе имѣть коробья или, еще лучше, сундуки. Два такихъ сундука, аршина полтора съ небольшимъ длины, аршинъ съ четвертью ширины и аршинъ глубины, об-

шитые кошмою, привязываются, за придѣланные къ нимъ съ боковъ желѣзныя скобки, веревками съ двухъ сторонъ верблюда. Они имѣютъ передъ переметными сумками преимущество прочности и удобства при навьючкѣ и развьючкѣ, и кромѣ того вещи въ нихъ не мнутся какъ въ переметныхъ сумкахъ. Наконецъ, два такихъ сундука, сложенные вмѣстѣ и обращенные вверхъ своей гладкой поверхностію, могутъ замѣнить желѣзную кровать, которыми мы всѣ запаслись.

Число верблюжьяго каравана, назначеннаго для поднятія тяжестей посольства и конвоя его, простиралось до 352 головъ. Изъ нихъ 242 верблюда опредѣлялись подъ свозъ провіанта и фуража; въ томъ числѣ 94 верблюда были навьючены, заготовленнымъ въ Оренбургѣ, прессованнымъ сѣномъ, для продовольствія лошадей экспедиціи во время слѣдованія по бесплоднымъ мѣстамъ отъ бывшаго Эмбенскаго укрѣпленія чрезъ Усть-Уртъ до Куны-Ургенча. Количество сѣна было расчислено на 30 дней, полагая въ сутки на лошадь по 10 фунтовъ.

Все остальное довольствіе, выдававшееся по обыкновенному степному положенію, было рассчитано на два мѣсяца; а позднѣе люди и лошади отряда должны были содержаться отъ правительства хивинскаго и бухарскаго. На время слѣдованія отъ Хивы до Бухары, предполагалось, на предназначенную для этого сумму, заготовить довольствіе въ Хивѣ, на обратный же путь, до форта № 1, въ Бухарѣ.

Остальные 110 верблюдовъ были наняты для поднятія постоянныхъ тяжестей посольства и конвоя, какъ-то: багажа посланника, свиты его и конвоя, подъ подарочныя вещи, геодезическіе инструменты, нижнимъ чинамъ подъ теплую и запасную одежду, подъ кибитки, юламейки, разныя походныя и хозяйственныя принадлежности и, наконецъ, подъ непредвидимыя тяжести.

Число верблюдовъ было рассчитано такъ, чтобы на cadaго верблюда вьючить, среднимъ количествомъ, 16 пудовъ. Такая тяжесть, принимая въ соображеніе длинный путь, предстоявшій намъ, была бы чрезвычайно обременительна, даже въ случаѣ совершеннаго отсутствія плохихъ верблюдовъ; но, какъ я уже сказалъ, 242 верблюда везли провіантъ и фуражъ, которые должны были расходоваться по мѣрѣ слѣдованія отряда, такъ что на дальнѣйшемъ пути можно было облегчать тяжело навьюченныхъ или усталыхъ верблюдовъ, раскладывая ихъ ношу на

опоразниваемыхъ. Притомъ, на каждые 10 верблюдовъ былъ одинъ запасный.

242 верблюда были наняты оренбургской пограничной комиссіею у подвѣдомственныхъ намъ киргизовъ, съ платою за cadaго по 6 руб. въ мѣсяцъ. Остальные же 110 верблюдовъ, для поднятія постоянныхъ тяжестей, были наняты за другую цѣну, именно: съ условіемъ платить за cadaго отъ Оренбурга до Хивы 15 р., отъ Хивы до Бухары, если верблюды пойдутъ и туда, столько же и, наконецъ, если посольство вернется на нихъ же чрезъ Хиву въ Оренбургъ, то выдать за это плату по тому же разсчету. Въ случаѣ же, если верблюды окажутся въ Хивѣ ненужными для дальнѣйшаго слѣдованія въ Бухару, было условлено, что они могутъ, съ дозволенія начальника миссіи, возвратиться изъ Хивы. Запасныхъ верблюдовъ въ этой партіи полагалось имѣть бесплатно на каждые шесть по одному; возчикамъ, тоже на каждые шесть верблюдовъ по одному, полагалось производить отъ казны жалованье по 3 р. въ мѣсяцъ, при казенномъ содержаніи. Весь этотъ верблюжій караванъ находился подъ начальствомъ *караванъ-баши*, которымъ былъ назначенъ одинъ изъ почетныхъ и надежнѣйшихъ ордынцевъ, состоявшій, въ свою очередь, въ полномъ распоряженіи начальника конвоя. Кромѣ названныхъ киргизовъ, пограничная комиссія распорядилась назначеніемъ въ посольство 4 посыльныхъ киргизовъ и 2 лучшихъ вожаковъ, которые знали удобнѣйшія для ночлеговъ мѣста, въ особенности на пути отъ бывшаго *Эмбенскаго укрѣпленія* черезъ р. *Чеганъ*, южныя окраины *Большихъ Барсуковъ* (*), по западному берегу Уральскаго моря до хивинскаго города *Куня-Ургенча*.

Вожакъ и посыльные киргизы обязывались быть каждый о-двуконь и, при казенномъ содержаніи, получать жалованья по 5 р. сер. въ мѣсяцъ; посыльные, сверхъ того, за исправную доставку конвертовъ и бумагъ, получали приблизительно поверстную плату, по числу верстъ, полагая на лошадь по 1 к. сер.

За нѣсколько дней до похода, корпусный командиръ дѣлалъ командамъ, каждой по одиночкѣ, смотръ, на которыхъ остался доволенъ какъ самими командами, такъ и ихъ снаряженіемъ. Казаки были вооружены новыми нарѣзными ружьями, пѣхота—

(* Такъ называются пески или, точнѣе, группы песчаныхъ холмовъ, лежащихъ между верховьями Эмбы и Аральскимъ моремъ.

штуцерами. Лошади у всѣхъ чиновъ командъ были киргизскія. Впрочемъ, почти излишне упоминать объ этомъ, потому что лошади другихъ породъ неспособны переносить труды и лишения степнаго похода, не говоря уже про тюбенежку; киргизская же лошадь довольствуется самымъ скуднымъ подножнымъ кормомъ.

15-го мая, послѣ напутственнаго молебна, мы выступили въ степь.

Какъ уже сказано, нашъ путь лежалъ на р. Эмбу. Слѣдуя по маршруту, мы, отъ Оренбурга по бердяно-куралинской линіи, должны были придти на Караванное озеро, въ долину р. Илека; далѣе, по долинамъ рр. Илека, Исембая, Тикъ-Темира, Кульденень-Темира, озерамъ Тагалы и Кунгунъ-Буль, на р. Эмбу, а затѣмъ къ возведенному, въ 1839 году, генеральнаго штаба полковникомъ Жемчужниковымъ и впоследствии упраздненному *Эмбенскому укрѣпленію*.

Мы не измѣняли этого маршрута и, только дорожа временемъ, шли почти безостановочно, сокращая часы означенныхъ въ маршрутѣ дневокъ и иногда соединяя три небольшихъ перехода въ два, Впрочемъ безъ отягощенія для лошадей.

Подножный кормъ на ночлегахъ мы повсюду находили отличный, такъ что не имѣли нужды въ крученомъ сѣнѣ, большіе тюки котораго помѣщались въ рогожныхъ куляхъ. Кстати скажу, что все остальное довольствіе было насыпано въ портяные мѣшки, зашитые сверхъ того въ рогожные кули, несмотря на убѣжденіе нѣкоторыхъ въ Оренбургѣ, говорившихъ, что и однихъ рогожныхъ кулей достаточно для провіанта и фуража. Впоследствии мы убѣдились, что если бы послушались подобнаго совѣта, то, не пройдя и половины пути, остались бы безъ провіанта, потому что и портяныхъ мѣшковъ, обернутыхъ въ рогожные кули, которые во время дороги бились и рвались, оказалось недостаточно, такъ что мы зашивали провіантъ въ двойные портяные мѣшки, оставшіеся отъ довольствія, израсходованнаго по мѣрѣ слѣдованія. Казаки, не нуждаясь въ прессованномъ сѣнѣ и въ овсѣ, удѣляли лошадямъ не всю дачу, оставляя часть ея, какъ они выражаются, „въ загонѣ“, т. е. на черный день, разумѣя ночлеги на бесплодныхъ мѣстахъ. Не говорю про воду: она была пока вездѣ хороша, такъ какъ мы останавливались у рѣчекъ, озеръ, слѣдовательно шли, какъ говорится, „по вольнымъ водамъ“. Всѣ

пройденныя нами степныя рѣчки похожи одна на другую: текутъ омутами (плесами) и потомъ теряются въ пескахъ; лѣтомъ онѣ по большей части пересыхаютъ, но весною, разливаясь въ своихъ плоскихъ берегахъ, содѣйствуютъ образованію отличныхъ луговъ.

Киргизовъ мы встрѣчали очень мало, потому что на весну и лѣто большая часть ихъ уходитъ въ дальнія кочевки, оставляя эти мѣста, какъ обильнѣйшія травою, для зимовокъ. Признаками ихъ осѣдлости здѣсь являются разбросанныя кое-гдѣ по степи и кое-какъ воздѣланныя пашни. Разработка полей у киргизовъ ручная.

Не вдаюсь въ подробное описаніе киргизской природы. Скажу только, что мѣстность, которую мы проходили, изрѣдка волнистая, но по большей части ровная. Въ долинахъ зеленеется сочная трава, на вершинахъ и скатахъ возвышеній растеть сѣдая полынь; мѣста же ровныя покрыты ковылемъ. Скучно смотрѣть на эту траву, когда ее колышетъ вѣтеръ: видишь цѣлое море бѣлыхъ султановъ, какъ будто падающихъ одинъ на другой. Понимаю теперь, почему киргизскія женщины, убаюкивая дѣтей своихъ, заставляютъ ихъ смотрѣть на ковыль, колеблемый вѣтромъ. Вообще, припоминая свои дорожныя впечатлѣнія, я долженъ сознаться, что сильно надоѣдаютъ этотъ просторъ, эта однообразная даль: идешь десятки верстъ — и не на чемъ остановиться, отдохнуть глазу. Едва замѣтное возвышеніе становится для глаза большимъ, а небольшой холмъ кажется чуть не горой. На такихъ мѣстахъ часто встрѣчаются „абы“. Это особенность степи. *Абою* вообще называется памятникъ надъ могилою сколько-нибудь извѣстнаго или зажиточнаго киргиза. Онѣ складываются изъ камней, связанныхъ известію и глиной, и по большей части въ видѣ четырехугольника; стѣны абы, вышиною въ ростъ человѣка, иногда съ зубцами по краямъ и съ башенками по угламъ, покрываются куполомъ; внутри могила умершаго. Такія абы, какъ памятники, вполне соотвѣтствуютъ своему назначенію, по своей долговѣчности: стоятъ, не разрушаясь, лѣтъ 80 и болѣе. Кромѣ того, поставленныя на возвышенныхъ мѣстахъ, при ровной мѣстности степи, онѣ служатъ отличными маяками. Наконецъ, въ непогоду путникъ находитъ въ нихъ убѣжище и даже можетъ прожить тутъ день, другой, сваривъ себѣ пищу въ котлѣ, который иногда ставится здѣсь на пользу общую родными погребен-

наго. Это послѣднее обстоятельство дѣлаетъ честь заботливости киргизовъ другъ о другѣ.

Возвращаюсь къ походу.

Переходовъ большихъ мы не дѣлали. Число верстъ отъ одной станціи до другой рѣдко доходило до 40. Такой переходъ, въ маршахъ по Россіи, значителенъ; въ степи же, особенно по пустыннымъ мѣстамъ нашего дальнѣйшаго слѣдованія, подобные переходы обыкновенны. Мы не поднимались также слишкомъ рано, хотя лѣтомъ и можно было дѣлать это. Конечно, поднявшись съ зарей, переходъ не былъ бы утомителенъ для людей, потому что захватывалъ бы большую часть утра, т. е. часы болѣе прохладные; но выступать такъ рано въ походъ значило отрывать лошадей отъ корма. Извѣстно, что, во время жара, лошадь не ѣстъ почти ничего; по наступленіи же вечера, когда спадетъ жаръ, она начинаетъ кормиться и ѣстъ всю ночь и все утро, до тѣхъ поръ, когда снова наступитъ жаръ. Поэтому, сберегая лошадей, столь дорогихъ въ степи, мы поднимались не ранѣе пяти часовъ пополудни, слѣдовательно, когда солнце было уже высоко. Это исполнялось при проходѣ кормными мѣстами; въ послѣдствіи, на голой мѣстности Усть-Урта, гдѣ нечего было рассчитывать на подножный кормъ для лошадей, мы поднималась съ мѣста въ два часа и даже въ часъ пополудни, въ ущербъ сна людей отряда, чтобы поддержать нашихъ усталыхъ верблюдовъ, которымъ легче было идти по ночной и утренней прохладѣ.

Вьючка верблюдовъ всегда начиналась часа за два до наступленія. Причина такой продолжительности заключалась въ неровности тюковъ. Въ торговыхъ караванахъ, гдѣ тюки не развязываются и не убавляются, вьючка кончается скоро; у насъ одни рогожные кули съ овсомъ, сухарями и проч. дѣлали много хлопотъ.

По мѣрѣ навьючиванія „нитки“ (*) верблюдовъ, трогались впередъ, предшествуемые авангардомъ, при которомъ ѣхалъ одинъ изъ киргизовъ-вожаковъ и офицеръ генеральнаго штаба съ топографомъ. Потомъ, когда $\frac{2}{3}$ или $\frac{3}{4}$ каравана трогались впередъ, выступалъ отрядъ, оставляя арьергардъ изъ 10 человекъ, который двигался послѣ всѣхъ и шелъ позади всего каравана. Люди арьергарда, кромѣ своего прямого назначенія,

(*) *Ниткою* называется шесть верблюдовъ, которые идутъ привязанные одинъ къ другому и находятся подъ наблюденіемъ одного вожатаго.

были еще полезны тѣмъ, что помогали киргизамъ перевьючивать верблюдовъ, ронявшихъ тюки, и слѣдили за отстававшими.

Выступившій отрядъ, идя среднимъ шагомъ, обгонялъ караванъ; тогда люди спѣшивались и дѣлался привалъ. Обыкновенно для этого выбиралась лужайка. Лошади щипали траву, а люди отдыхали до тѣхъ поръ, пока пройдетъ весь караванъ.

Хорошіе верблюды, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, т. е. при хорошемъ подножномъ кормѣ, не тяжело навьюченные, въ прохладный день идутъ $4\frac{1}{2}$ версты въ часъ. Наши верблюды дѣлали не болѣе $3\frac{1}{2}$ версты, а вначалѣ, когда они еще не привыкли къ вьюкамъ, когда еще не было подставныхъ верблюдовъ, на которыхъ можно было раскладывать тягу, проходили и меньше $3\frac{1}{2}$ версты. Слѣдовательно, переходъ въ 35 версты мы исполняли въ десять часовъ.

По приходѣ на ночлегъ, разбивался лагерь въ видѣ трапеціи, боковыя, равныя стороны которой занимали юламейки казаковъ, узкую—пѣхота, а другую параллельную съ ней сторону трапеціи — юламейки начальника и членовъ миссіи.

Юламейка, это прекрасное изобрѣтеніе кочевниковъ, состоитъ изъ стѣнки—ряда палокъ, сложенныхъ крестъ-накрестъ и связанныхъ въ мѣстѣ ихъ соединенія ремнями; потомъ изъ верха — тоже палки, связанные вмѣстѣ одними концами. Юламейка ставится очень скоро: сначала кругомъ раздвигаются стѣнки, съ отверстіемъ для входа; на верхнія оконечности стѣнокъ надѣваются ременныя петли, привязанныя къ концамъ палокъ верха, которыя идутъ какъ радіусы изъ центра. Наконецъ, какъ верхъ, такъ и стѣнки одѣваются кошмами—и походное жилище готово. Кошмы юламейки хорошо защищаютъ отъ солнечныхъ лучей. Въ избѣжаніе духоты, низъ кошмой заворачивается, для свободнаго теченія воздуха.

Въ то время, какъ разстанавливаются юламейки, лошади стоятъ осѣдланныя; но ихъ въ степномъ походѣ долго не выдерживаютъ и черезъ полчаса отгоняютъ въ табунъ, который у насъ во время дня располагался версты за $1\frac{1}{2}$ отъ лагеря, а ночью передвигался ближе, такъ что почти примыкалъ къ одному изъ фасовъ караула. Въ это время люди отряда готовили свой обѣдъ или ужинъ — какъ хотите назовите. Нижніе чины, въ числѣ прочаго довольствія, получали прессованныя овощи. Если эти овощи хорошаго качества, они составляютъ вкусную приправу; но дурно приготовленныя скоро портятся и стано-

вятся негодными къ употребленію. Изъ такихъ овощей лучше другихъ сушеная капуста: она не такъ скоро портится, и даетъ отваръ крѣпкій и вкусный. Для приварка люди получали по $\frac{1}{2}$ фунту говядины; но это количество было не совсѣмъ достаточно для человѣка, у котораго аппетитъ, при утомительномъ движеніи, значительно возрастаетъ противъ нормальнаго.

Для мясной порціи, при отрядѣ гнались быки. Конечно, мясо рогатой скотины гораздо питательнѣе и вкуснѣе бараньяго; однако для нашего меньшаго отряда, при дальнемъ пути, партія барановъ была бы гораздо удобнѣе, потому что баранъ, довольствуясь самымъ плохимъ кормомъ подножнымъ, не такъ худѣетъ, какъ рогатая скотина, лучше ея переносить жаръ и безводицу и, наконецъ, менѣе подверженъ повальной болѣзни. Неудобство рогатой скотины для мясныхъ порцій на небольшой отрядѣ состоитъ еще въ незначительной растратѣ мяса. Напримѣръ, въ нашемъ отрядѣ было до 190 человѣкъ, считая офицеровъ, чиновниковъ, посыльныхъ киргизовъ и проч. Изъ этого числа, 160 человѣкамъ, получающимъ по $\frac{1}{2}$ фунта мяса, нужно его 80 фунтовъ; остальнымъ, получающимъ по фунту, нужно 30 фунтовъ. Мы зарѣзываемъ средней величины быка: въ немъ мяса, положимъ, 4 пуда, т. е. 160 фунтовъ, а намъ нужно только 110. Куда дѣвать оставшіеся 50 фунтовъ? При 30° жара въ тѣни, нѣтъ возможности сберечь его до другаго дня.

Пища варилась въ чугунныхъ котлахъ, установленныхъ на желѣзныхъ таганахъ. Конечно, чугунный котелъ, прочнѣе, но вода въ немъ вскипаетъ медленно; а всякому понятно нетерпѣніе голоднаго человѣка. Гораздо лучше, въ этомъ отношеніи, мѣдный котелъ, который, будучи тонкостѣннѣе, заставляетъ вскипать воду ранѣе и потребуетъ меньше дровъ, которыя такъ трудно добывать въ степи, гдѣ дровами служатъ сырой тволжанникъ и кое-какія коренья, съ трудомъ собираемыя въ полѣ. Таганы съ бѣльшимъ удобствомъ можно замѣнить желѣзными треногами, которыя легче выучить, нежели таганы; подъ треногу можно подвѣшивать нѣсколько посуды, тогда какъ на таганѣ помещается одинъ котелъ. Кромѣ того огонь, не стѣсненный низкимъ таганомъ, сильнѣе разгорается и вода вскипаетъ ранѣе. Слѣдовательно, можно сдѣлать экономію въ дровахъ.

31-го мая мы пришли къ бывшему Эмбенскому укрѣпленію и, послѣ дневки, вмѣсто предполагаемыхъ пяти дней отдыха, двинулись опять впередъ, держась на юго-востокъ.

4-го іюня, при р. *Джаинды*, къ намъ пріѣхалъ Исеть *Кутябаровъ*. Полагаю не излишнимъ помѣстить здѣсь краткую біографію этой замѣчательной личности.

Исеть Кутябаровъ, простой киргизъ чиклинскаго рода, по уму и богатству имѣлъ сильное значеніе въ своемъ родѣ, а своимъ удалствомъ въ барантѣ заслужилъ почетное названіе „батыря“. Онъ былъ преданъ русскому правительству и, какъ человѣкъ съ вліяніемъ на своихъ единоплеменниковъ, съ пользою употребляемъ для разныхъ порученій, которыя всегда исполнялъ добросовѣстно.

Въ то время умеръ султанъ-правитель Средней Орды, мѣсто котораго, по своимъ отличнымъ достоинствамъ, долженъ былъ занять Исеть. Его предупредилъ султанъ *Арсланъ*, человѣкъ хитрый, который, пронырствомъ и навѣтами на Кутябарова, достигъ почетнаго назначенія. Самолюбіе Исета было оскорблено; но Арсланъ не удовольствовался полученіемъ мѣста правителя и, вѣроятно, чувствуя шаткость своего положенія, при возраставшемъ вліяніи Исета на страну, старался всѣми силами унижить Кутябарова: представлялъ въ дурномъ свѣтѣ его дѣйствія, клеветалъ на него и проч., наконецъ гналъ лично Исета и его родню. Не выдержала горячая натура киргиза: жажда мести и крови забушевала въ его груди, и въ одно раннее утро, въ первыхъ числахъ мая 1855 года, шайка дикихъ приверженцевъ озлобленнаго „батыря“ ворвалась въ ставку султана-правителя (она была въ то время на р. *Илекѣ*, недалеко отъ *Исембая*) и произвела тамъ страшную рѣзню. Въ числѣ первыхъ жертвъ былъ, конечно, Арсланъ. Казачій двухсотенный отрядъ, постоянно командиремый къ султану-правителю, былъ, по распоряженію его, не ожидавшаго такихъ рѣшительныхъ дѣйствій со стороны Исета, расположенъ вдали отъ ставки, почему не могъ вовремя поспѣть на помощь.

У киргизовъ убійство непременно сопровождается грабежемъ, и потому все, что можно было захватить, было взято. Одно преступленіе, какъ говорятъ, ведетъ къ другимъ. И дѣйствительно: для Кутябарова наступили три года скитальческой жизни. Онъ разбойничалъ по степи, нападалъ на наши транспорты. Удача баловала его, число приверженцевъ увеличивалось; имя его пріобрѣло извѣстность въ самыхъ далекихъ углахъ киргизской степи; вскорѣ составились другія разбойническія шайки, которыя подъ его именемъ стали разгуливать по

степи. Для поимки Кутябарова были высылаемы отряды, изъ которыхъ одинъ довольно значительный, но безъ успѣха. Исеть превосходно пользовался своимъ знаніемъ мѣстности и, что называется, уходилъ изъ глазъ. Но всему бываетъ конецъ. Кутябарову стала не по силамъ эта борьба. Можетъ быть, въ немъ пробудилось раскаяніе, но главное, какъ говорятъ, его дѣла шли плохо: грабить было негдѣ, и потому шайка стала уменьшаться; скотъ отъ частыхъ и безпокойныхъ переходовъ исхудалъ; прежнее, быстрое передвиженіе сдѣлалось невозможнымъ. По сношеніи съ хивинскимъ ханомъ, Исеть увидѣлъ, что покровительство, будто бы ему обѣщанное, оказалось вздоромъ.... Какъ бы то ни было, а Исеть смирился и сталъ хлопотать о прощеніи, представляя въ оправданіе свое то, что преступленія трехъ послѣднихъ годовъ были слѣдствіемъ перваго и, по мусульманскимъ законамъ, извинительны, такъ какъ онъ мстилъ кровь за кровь. Когда Исету было обѣщано прощеніе, онъ, по свойственной киргизамъ недовѣрчивости, не вѣрилъ своему благополучію, подозрѣвая обманъ, и медлилъ на призывъ генерала Катенина, который намѣревался ожидать его по приходѣ на Эмбу. Наконецъ рѣшившись отправиться туда, Исеть явился предварительно къ нашему посланнику, со своей свитой, состоявшей изъ двухъ десятковъ киргизовъ. Я съ любопытствомъ глядѣлъ на этого человѣка: представьте себѣ мужчину громаднаго роста, съ весьма выразительными чертами лица, съ выдавшимися скулами и глазами, полными жизни и энергіи. Онъ былъ одѣтъ со вкусомъ, и въ костюмѣ его не было видно тѣхъ яркихъ цвѣтовъ, какими любятъ украшать себя азіятцы: на немъ былъ бѣлый шелковый халатъ, опоясанный зеленымъ кушакомъ, а сверху халатъ чернаго сукна, на темномъ клѣтчатомъ подбоѣ; на головѣ вышитая золотомъ *тюбетейка* (*) съ мѣховымъ околышемъ; верхнюю, съ высокимъ верхомъ, шапку изъ бѣлаго войлока Исеть снялъ съ себя еще при входѣ въ кибитку. Наши гости усѣлись на коврѣ, поджавъ ноги подъ себя. Послѣ привѣтствій, Исеть началъ увѣреніемъ въ томъ, что, высоко цѣня милость къ нему Государя Императора, онъ самою глубокою преданностію постарается заслужить ее. Нашъ посланникъ говорилъ ему о тѣхъ печальныхъ для него послѣдствіяхъ, если бы онъ не остановился въ

(*) Небольшая шапочка, ермолка.

своёмъ поведеніи. На лицѣ Исета пробѣжали судороги, вѣроятно, замѣнявшія слезы, потому что, глядя на такую мужественную физиономію, трудно было предположить, чтобы онъ когда-нибудь могъ плакать. Для блуднаго сына и его товарищей зарѣзали барана; потомъ ихъ угощали конфетами, потѣшали пѣснями. Между прочимъ, когда подавали чай, Исетъ подозрительно взглянулъ на сухую лимонную кислоту. Иг*, чтобы успокоить его, положилъ этой кислоты въ свой стаканъ. Исетъ, собравшись домой, обѣщался немедленно отправиться въ лагерь генерала Катенина и повторилъ, что если царь русскій простилъ его, то онъ будетъ служить ему, не стѣсняясь никакими жертвами, предлагалъ къ услугамъ нашимъ своихъ верблюдовъ, лошадей, вожаковъ, даже конвой....

Продолжаю мой рассказъ.

8-го іюня мы поднялись на *Усть-Урту* и потомъ шли черезъ песчанья урочища *Кочкара-Кумъ* (*), *Кыздаръ-Чькканъ*, *Тюбя-Кудунъ* (**) и *Исень-Чаылъ*. Въ это благодатное лѣто мы и въ пескахъ находили довольно порядочный кормъ. Вода въ колодцахъ была также сносная. На *Кыздаръ-Чькканъ*, куда мы пришли 10-го іюня, расположены были аулы Исета и его приверженцевъ. Здѣсь мы сдѣлали дневку, такъ какъ нашимъ киргизамъ нужно было перемѣнить нѣсколькихъ усталыхъ верблюдовъ. Пользуясь дневкой, нашъ посланникъ посѣтилъ Исета, и изъ всѣхъ услужливыхъ предложеній его мы воспользовались только его жожаками, отлично знавшими всѣ мѣста по *Усть-Урту*. Такое знакомство съ мѣстностію они пріобрѣли грустнымъ опытомъ, скрываясь отъ преслѣдовавшихъ ихъ русскихъ отрядовъ.

На этомъ урочищѣ нашъ лагерь былъ расположенъ въ котловинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ цѣпью бѣлыхъ песчаныхъ холмовъ. Я уже сказалъ, что мѣстность эта называется *Кыздаръ-Чькканъ*, что значитъ „дѣвки выходили“.

— Почему же такъ называется это мѣсто? спросилъ я у одного киргиза.

— Когда бывають праздники, дѣвки выходятъ гулять на эти холмы, отвѣчалъ онъ.

Больше я ничего не могъ добиться. Другой объяснялъ мнѣ, что тутъ похоронена киргизская дѣвушка, очень чтимая въ

(*) Кумъ—песчаная степь.

(**) Кудунами называются колодцы въ пескахъ.

народѣ. Наконецъ, третій положительно увѣрялъ, что на одинѣ изъ этихъ холмовъ вышла дѣвка, оттого и мѣстность получила такое названіе. Кто была эта дѣвка, откуда она явилась и куда потомъ скрылась, преданіе молчитъ. Прошу послѣ этого разбирать киргизскія легенды, въ защиту которыхъ скажу, что между ними есть не лишеныя поэзіи. Такъ, на примѣръ, я помню одну легенду, разказывающую объ образованіи двухъ горъ въ верховьяхъ рѣки Утвы, впадающей въ Илекъ. Одна изъ горъ называется *Турамбасъ*, другая *Кызылчикъ*. Въ пѣснѣ, которую поютъ киргизы, преданіе разказывается такъ: „Дѣвушка, ауль которой находился въ этихъ мѣстахъ, спрашиваетъ своего жениха, прощаясь съ нимъ, когда онъ воротится и когда ждать его. „Весною — отвѣчаетъ ей джигитъ (слово, соответствующее нашему: парень, молодецъ) — весною, когда птица полетитъ изъ теплыхъ странъ.“ Въ назначенное время дѣвушка вышла ждать своего возлюбленнаго. Взошла на высокую марь (*) и смотритъ вдаль: вереницами летятъ птицы съ юга. Вотъ еще и еще стаи проносятся надъ ея головою, а милаго все нѣтъ. Долго и пристально смотритъ въ даль дѣвушка, такъ пристально, что у нея слезы полились изъ глазъ. Наконецъ вдали показался воронъ, за нимъ орелъ, а за орломъ, на гнѣдомъ, крылатомъ конѣ, ѣдетъ женихъ. Поздоровавшись съ невѣстой, онъ вручаетъ ей своего коня, приказавъ налить въ два корыта молока, въ которыя конь долженъ былъ опустить свои крылья. Но главное приказаніе состояло въ томъ, чтобы ни одинъ посторонній глазъ не могъ взглянуть на коня. Если жъ кто взглянетъ, то конь умретъ непременно. „А я не переживу моего коня“, заключилъ женихъ и отправился къ отцу дѣвушки, чтобы ѣхать съ нимъ пировать въ сосѣдніе аулы. Дѣвушка, исполняя волю своего возлюбленнаго, напоила и накормила коня. Къ вечеру пришли подруги поздравить ее съ пріѣздомъ жениха и стали спрашивать объ немъ. Какъ удержаться, чтобы не разказать о диковинномъ конѣ своего милаго! Женское любопытство было раздражено, и всѣ начали упрашивать хоть въ щелку посмотреть на чудесную лошадь,

(*) *Марамы* называются холмы въ степи. Иногда, судя по рву, окружающему подошву мара, можно полагать, что они насыпные. Киргизы подтверждаютъ это предположеніе своими разказами о погребенныхъ подъ марамы тѣлахъ батырей. Чѣмъ выше насыпь, тѣмъ знаменитѣе былъ батырь и тѣмъ болѣе чтутъ его память въ народѣ.

увѣряя, что запретъ жениха—вздоръ. Не устояла молодая киргизка, уступила просьбѣ подругъ.... Конь къ утру издохъ! Въ отчаяніи ломаетъ руки бѣдная дѣвушка, а помочь горю нечѣмъ. Когда возвратился женихъ и узналъ о случившемся, то не сказалъ ни слова, но въ тотъ же день заболѣлъ и умеръ. Его похоронили на вершинѣ высокаго мара. Невѣста пережила его лишь нѣсколькими днями и, умирая, завѣщала похоронить себя на вершинѣ сосѣдняго мара. Весною, когда родные жениха и невѣсты пріѣхали совершать поминки по умершимъ, они увидѣли на могилѣ джигита выросшую изъ камня массу, фигуροю похожую на голову лошади, почему и назвали эту гору *Туратбасъ* (т. е. голова гнѣдой лошади), а на могилѣ дѣвушки образовалось нѣчто похожее на женскую грудь, почему и гора получила названіе *Кызынчикъ* (т. е. дѣвичьи груди). Такъ объясняютъ мѣстные названія киргизы, переложивъ легенды въ пѣсни....

— 13-го числа, поднявшись съ Исень-Чагыла, пройдя всю ночь и часть утра, мы, послѣ 48-верстнаго перехода, достигли берега *Аральскаго моря*, гдѣ стали лагеремъ, при киргизской могилѣ *Байгубыкъ*, недалеко отъ мыса *Каскадкулъ*. Отъ этого мѣста мы направились на югъ по окраинѣ *Усть-Урта* и черезъ урочища *Котанъ-Белакъ*, *Касарна*, *Давлетъ-Гирей* пришли къ *Айбуирскому* заливу.

Благодаря вожакамъ Исета, въ пустынѣ *Усть-Урта*, которою насъ такъ пугали въ *Оренбургѣ*, за исключеніемъ трехъ, четырехъ ночлеговъ, гдѣ вода попадалась солоноватая, мы всюду находили довольно сносную воду и кормъ для лошадей.

Восточный *чинкъ* (*) *Усть-Урта* круто спускается къ морскому берегу и, вслѣдствіе когда-то бушевавшаго тутъ моря, представляетъ группы скалъ, самыхъ разнообразныхъ формъ, высотой достигающихъ до 70 футовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти массы, состоящія изъ слоевъ мергеля и известняка, какова вообще вся формація *Усть-Урта*, соединены площадками, на которыхъ мы находили порядочный аржаникъ, въ количествѣ, достаточномъ для того, чтобы „похватать“ лошади въ продолженіе дня. На ночь было опасно оставлять лошадей подъ берегомъ, почему на это время ставили ихъ на коновязи подлѣ лагеря. Здѣсь же разбрасывали имъ прессованное сѣно; однако оно мало при-

(*) Такъ называются окраины этой плоской возвышенности.

носило пользы. Какъ ни были иногда голодны лошади, однако очень неохотно ѣли искусственно-засушенное сѣно, предпочитая ему самыя грубыя, но свѣжія растенія, которыя находили въ степи. Между тѣмъ, одна перевозка на верблюдахъ этого сѣна стоила казнѣ около 55 коп. сер. пудъ. Мы пожалѣли, что вмѣсто прессованнаго сѣна намъ не дали по лишнему гарнцу овса, что было бы гораздо дешевле, легче везти и полезнѣе для лошадей. Мы были принуждены бросить прессованное сѣно на Усть-Уртѣ, чтобы не утомлять нашихъ и безъ того усталыхъ верблюдовъ такой бесполезной тягой.

Для добыванія на ночь свѣжаго корма лошадямъ, нѣкоторые изъ опытныхъ уральскихъ казаковъ, запасшіеся серпами, нарѣзывали свѣжую траву пучками и раскидывали ее на ночь лошадямъ. Отъ казны у насъ на этотъ предметъ были даны косы, со всѣми къ нимъ принадлежностями. Но косою можно косить густую и сплошную траву, а въ степи, гдѣ трава рѣдка, чуть не разбросана кустами, несравненно удобнѣе серпы, которые не надо вьючить на верблюдовъ. Было бы полезнѣе, если бы вмѣсто косъ въ отрядѣ нашемъ роздали серпы по одному на два человѣка. И тогда, по приходѣ на ночлегъ, тѣ изъ людей, которымъ очередь занимать посты, могутъ нарѣзать травы въ то время, какъ товарищи ихъ ходятъ за лошадьми, получаютъ провіантъ, фуражъ и пр.

Кстати о раздачѣ довольствія: мы на весь отрядъ имѣли только по два экземпляра воронокъ, ливеровъ, гарнцовъ для раздачи овса, чарокъ для спирта и другихъ подобныхъ предметовъ. Но скоро ли можно роздать овесъ двумя гарнцами, разлить спиртъ двумя чарками? Притомъ, въ избѣжаніе безпорядка, надо соблюдать очередь. Это замедляетъ раздачу, заставляетъ усталыхъ людей тратить болѣе, нежели сколько нужно, времени, которое очень дорого въ дальнемъ степномъ походѣ. Нѣсколько лишнихъ экземпляровъ подобныхъ вещей избавили бы насъ отъ этихъ затрудненій.

То же можно сказать и о другихъ мелочахъ, на примѣръ о вьючныхъ веревкахъ и проч. Всѣ эти вещи, при безпрестанномъ употребленіи, трутся, легко теряются и, при недостаткѣ лишнихъ, непременно замедляютъ вьючку. А это много значитъ: верблюду, особенно тяжело-навьюченному, легче идти, нежели простоять на мѣстѣ лишнихъ полчаса.

— На Усть-Уртѣ мы получили извѣстіе, что трухмены,

будучи въ войнѣ съ Хивою, осадили *Кунъ-Ургенчъ*, на который намъ было назначено идти по маршруту. Вслѣдствіе этихъ донесеній, мы, пославъ гонца въ Хиву съ увѣдомленіемъ о перемѣнѣ нашего марша, направились въ *Кунградъ*, лежащій по ту сторону Айбугирскаго залива.

Верблюды нашего каравана были порядочно утомлены, и мы, для поддержанія ихъ, поднимались гораздо раньше, чѣмъ прежде. Вьючка начиналась около полуночи, а въ два часа отрядъ выступалъ въ походъ. Слѣдовательно, большую часть перехода мы дѣлали утромъ, захватывая немного жаркихъ часовъ дня, когда верблюдамъ идти почти вдвое утомительнѣе, чѣмъ ночью.

Подвигаясь такимъ образомъ по берегу моря, мы, 21-го іюня, пришли къ урочищу *Урчъ*, лежащему при соединеніи съ моремъ Айбугирскаго залива, чрезъ который, въ этомъ мѣстѣ, нашъ отрядъ долженъ былъ переправиться и вступить въ предѣлы Хивинскаго ханства.

II. НАЗАРОВЪ.

Уральскъ.